

Глава 23: Тебе обидно?

—

«Почему ты так говоришь?»

Сяо Цзинь улыбнулся и сказал: «Естественно, потому что третий брат — чрезвычайно умный человек».

Лю Цзиньи: «...» Честно говоря, она не знала, какое выражение лица ей следует принять.

Она даже подозревала, что Сяо Цзинь мог беззаботно произнести эти слова только потому, что он был необъективен в отношении Сяо Шаня.

Сяо Цзинь, взглянув на её слегка шокированное выражение лица, понял, о чём она думает. Он рассмеялся и сказал: «Ты не веришь? Но матушка-императрица верит. Вот почему все эти годы матушка-императрица позволяла наложнице Лань бушевать, а потом сама разбирала все эти беспорядки. В сердце матушки-императрицы есть чувство вины перед третьим братом».

Эти слова полностью пробудили любопытство Лю Цзиньи. Она сказала: «Что Ваше Высочество имеет в виду?»

Сяо Цзинь давно хотел поговорить с ней по душам, но не находил подходящего времени.

Когда Лю Цзиньи не была беременна, всё было хорошо, она была очень широкой душой. Но с тех пор, как забеременела, она стала необычайно ценить этого ещё не родившегося ребёнка. От малейшего шороха ей казалось, что кто-то хочет навредить её ребёнку.

С тех пор как в прошлый раз возникла проблема с выпечкой, присланной наложницей Лань, убийца хоть и был найден, но эта дворцовая служанка не выдержала пыток в тюрьме Министерства наказаний и умерла, а перед смертью в бреду сказала: «Вы никогда не узнаете, кто настоящий убийца».

Люди из Министерства наказаний не посмели скрыть это и, естественно, доложили императору и императрице.

Император также приказал продолжить поиски виновного, стоящего за этим человеком, но результатов не было.

Таким образом, это дело стало камнем преткновения в сердце Лю Цзиньи, от которого она никак не могла избавиться. Она не хотела подозревать наложницу Лань, но просто не могла не задумываться. Сяо Цзинь первоначально думал, что она давно смирилась, но случайно заметив

её сильное нежелание приближаться к наложнице Лань, он понял, что она так и не преодолела этот барьер.

С точки зрения Лю Цзиньши, Сяо Цзинь считал, что быть осторожным — это хорошо. В конце концов, это был ребёнок, которого они так долго ждали, и если что-то случится, они оба не смогут этого вынести.

Однако он также хотел, чтобы Лю Цзиньши успокоилась, потому что императорский лекарь Су в прошлый раз, когда приходил, намекнул, что слишком много беспокойства вредно для тела и для ребёнка.

Сегодня Сяо Цзинь, получив свободное время и услышав этот намёк от Лю Цзиньши, принял позу для долгого разговора, готовясь тщательно проанализировать текущую ситуацию со своей супругой.

Сяо Цзинь взял Лю Цзиньши за руку, усадил её и начал: «Матушка-императрица и наложница Лань обе родом из семьи Гу, ты это знаешь?»

Лю Цзиньши кивнула: «Это известно всем в мире, почему Ваше Высочество спрашивает?»

Сяо Цзинь не ответил ей, а сказал: «Я только что сказал, что третий брат — умный человек, а ты не поверила, верно?»

Лю Цзиньши тут же ответила: «Не то чтобы не верила, просто не совсем это видно».

Сяо Цзинь улыбнулся, его лицо было изящным и красивым: «Это не неверие, что это тогда?»

Лю Цзиньши покраснела, немного потеряв дар речи.

Сяо Цзинь похлопал её по руке и продолжил: «Матушка-императрица и наложница Лань обе из семьи Гу. Если бы наложница Лань и третий брат действительно хотели бороться за это место, то две ветви семьи Гу не стали бы уважать только меня и полностью игнорировать третьего брата. В конце концов, второй дедушка — родной отец наложницы Лань, и если бы у наложницы Лань и третьего брата были бы такие мысли, как бы у второго дедушки не возникли бы идеи?»

Лю Цзиньши слегка опешила, затем в её глазах мелькнул проблеск понимания, словно её осенило.

Сяо Цзинь сказал: «Все эти годы две ветви семьи Гу поддерживали меня, и третий брат поступал так же. Не смотри на то, как наложница Лань устраивает шумиху, действует без правил и легко поддаётся чужому влиянию, но она думает просто и борется только за сиюминутные выгоды. Она никогда не думала о том, чтобы протолкнуть третьего брата на это

место».

«Про третьего брата и говорить нечего, он с детства своими действиями показывал миру, что совершенно не собирается бороться за это место». Сяо Цзинь, говоря это, улыбался уголками глаз: «Я знаю о ваших с матушкой-императрицей беспокойствах, вы ведь боитесь, что третий брат воспользуется возможностью взять младшую наложницу, чтобы расширить своё влияние. По вашему мнению, найдётся тот, кто захочет занять место младшей наложницы князя Ли. Но если подумать по-другому, если у третьего брата есть путь через семью Гу, почему он должен идти таким окольным путём? Если бы у него были такие мысли, ему достаточно было бы, чтобы второй дедушка и остальные притворялись по отношению ко мне, а в решающий момент нанести удар, разве это не было бы лучше?»

Лю Цзиньни поняла, что Сяо Цзинь искренне хотел обсудить эту тему, и она также открыла своё сердце, не удержавшись, сказала: «А что, если князь Ли делает это намеренно? Он отдалился от семьи Гу, а затем тайно поддерживает связь с другими, так что наследный принц не будет знать и не будет его подозревать».

«Для связи с другими всегда нужна причина», — улыбаясь, сказал Сяо Цзинь. «Третий брат по своему характеру не будет использовать такие методы, как взятие младшей наложницы, чтобы привлечь внешних чиновников. С кем он тайно связывается? С каким чиновником он в последние годы сблизился? Он просто не любит такие методы».

Лю Цзиньни не знала, почему Сяо Цзинь так уверен, что Сяо Шань не возьмёт младшую наложницу.

Дойдя до этого места, Сяо Цзинь не удержался и начал жаловаться: «Честно говоря, если бы не этот раз, когда отец-император даровал ему брак, я бы подумал, что он никогда не женится. Причина, по которой он никогда не женился, не только в слухах, но и в том, что он не хотел жениться на тех, кто связан с бывшей династией. Но как принц может так просто жениться? Даже если у третьего брата были такие мысли, отец-император не согласился бы. Поэтому брак третьего брата всё откладывался, пока не появился Се Чжуй. Статус Се Чжуя чувствителен, и он к тому же гер. Отец-император не мог обидеть его и не мог оставить без присмотра, поэтому даровать его третьему брату в качестве Ван Цзюня можно считать выходом. Но в сердцах отца-императора и моём мы оба знаем, что это дело обидело третьего брата. Поэтому, если бы у третьего брата действительно было желание взять младшую наложницу, никто бы ему не помешал. Но теперь третий брат явно влюбился в Се Чжуя».

«Насколько я знаю третьего брата, он кажется ленивым, но на самом деле очень ценит чувства и придерживается своих принципов. Раз он выбрал Се Чжуя, рядом с ним будет только он один. То, что ему будет шумно и раздражительно от большого количества людей, — это одно, а вторых, он вообще не будет использовать такие методы для получения поддержки». Говоря это, Сяо Цзинь немного смутился, как будто в его собственном Восточном дворце было много людей.

Интересно, не было ли это ударом по сердцу Лю Цзиньни.

К счастью, внимание Лю Цзинъи не было сосредоточено на этом, поэтому он быстро продолжил: «Все эти годы третий брат своими действиями показал своё искреннее сердце, как я могу его подозревать?»

«Матушка-императрица обычно не говорит, но в душе она знает мысли третьего брата. Просто она сидит на этом месте, привыкшая к предательствам в гареме, всегда осторожна, и поэтому у неё возникает много мыслей. Я понимаю, о чём думает матушка-императрица. Она, с одной стороны, верит третьему брату, а с другой — не может не беспокоиться. Когда дело будет решено, она снова почувствует вину, и она не может выразить эту вину третьему брату, поэтому она может только ещё больше защищать наложницу Лань».

Будучи сыном, нельзя легко обсуждать проступки родителей.

Сяо Шань часто переходил границы, но Сяо Цзинь, будучи наследным принцем, не будет переходить границы, иначе это станет рычагом для нападения на него.

Сегодня, ради Лю Цзинъи, он досконально проанализировал императрицу.

Лю Цзинъи, выслушав эти слова, полностью поняла его мысли. Она встала и торжественно поклонилась Сяо Цзиню, сказав: «Ваша супруга была слишком недалёковидна, но сегодня Ваше Высочество прояснил мне ситуацию. Впредь я буду помнить этот разговор и обязательно буду осторожна в словах».

Сяо Цзинь поднял её и с улыбкой сказал: «Это не твоя вина, это я не обратил внимания на твоё настроение и не рассказал тебе об этом раньше. Я очень рад, что ты сейчас можешь всё понять и успокоиться».

Лю Цзинъи мягко сказала: «Впредь, если ваша супруга сделает что-то не так, Ваше Высочество, просто укажите на это, ваша супруга изменится».

Сяо Цзинь сказал: «Хорошо».

И действительно, как он и сказал, ещё до полудня пришло известие о том, что Сяо Шань прямо во дворце Цзинлань отказал наложнице Лань взять младшую наложницу.

Сяо Цзинь, услышав новость, поднял бровь на Лю Цзинъи, на его лице читалось: «Я же говорил, что так будет».

Лю Цзинъи тихо и нежно улыбнулась, в её глазах мелькнуло восхищение. Она сказала: «Ваше Высочество предсказывает события, как божество, ваша супруга не может сравниться».

Сяо Цзинь, польщенный её словами, покачал головой и рассмеялся, и на мгновение мир стал прекрасным, как яркая луна за окном.

—

Тем временем Се Чжуй и Сяо Шань вернулись во дворец князя Ли.

По дороге Се Чжуй почти не разговаривал, и Сяо Шань, думая, что он в плохом настроении, не дразнил его.

Вернувшись в поместье, Сяо Шань собирался вздремнуть, он думал, что Се Чжуй пойдет во двор тренироваться с мечом, но неожиданно Се Чжуй последовал за ним в спальню.

Сяо Шань, моргнув, посмотрел на него. Се Чжуй прямо спросил: «Почему Ваше Высочество не хочет брать младшую наложницу?»

Сяо Шань замер: «Ты хочешь, чтобы я взял?»

Се Чжуй покачал головой: «Не хочу».

Сяо Шань, приподняв бровь, улыбнулся: «Раз не хочешь, зачем спрашиваешь? Ты не боишься, что я скажу, что в будущем возьму?»

Се Чжуй ничего не сказал, упрямо глядя на него.

Сяо Шань не понимал, что он имеет в виду, его глаза были полны вопросительных знаков.

Се Чжуй вдруг сказал: «Будет ли Ваше Высочество чувствовать себя обиженным?»

Сяо Шань опешил. Се Чжуй, опасаясь, что его слова были неясны, объяснил: «Я имею в виду, что Ваше Высочество не берет младшую наложницу не обязательно из-за меня, а скорее потому, что не хочет, чтобы его подозревали. Матушка-наложница так громко настаивает на том, чтобы вы взяли младшую наложницу, делая это известным всем, а Ваше Высочество сам не хочет брать. Если мысли Вашего Высочества будут искажены и неправильно поняты, почувствуете ли вы себя обиженным?»

Сяо Шань пристально посмотрел на Се Чжуйа, затем улыбнулся и сказал: «Се Чжуй, Се Чжуй, ты так прямолинеен, что с тобой просто невозможно справиться».

Се Чжуй не понял, что он говорит, и его взгляд внезапно стал растерянным.

Сяо Шань бросился на кровать и сказал: «Ты знаешь, почему я так уверенно сказал матушке-наложнице, что отец-император согласен, чтобы я не брал младшую наложницу?»

Се Чжуй не ответил.

Сяо Шань сказал: «Это потому, что я знаю, что отец-император не хочет, чтобы я получал слишком много власти через браки по расчёту».

Мысли императора были очень просты: Сяо Цзинь — наследный принц, будущий император Великой Чжоу, поэтому семья Гу должна полностью поддерживать Сяо Цзиня, без двойных мыслей.

Сяо Шань, внук семьи Гу по женской линии, должен был поддерживать с ними только самые базовые отношения.

Что касается взятия младшей наложницы, то с точки зрения отца, император хотел, чтобы Сяо Шань взял эту младшую наложницу, он хотел, чтобы у Сяо Шаня были свои дети. Если Се Чжуй не сможет родить, то дети младшей наложницы также будут кровью Сяо Шаня.

Но с точки зрения императора, он надеялся, что даже если Сяо Шань возьмет младшую наложницу, он выберет тех, кто не связан с властью.

Потому что слишком много связей с властью приводит к карме. Иногда вам не нужно двигаться самому, люди за вашей спиной будут толкать вас в этом направлении.

Поэтому предложение наложницы Лань вызвало у императора противоречие, и он передал вопрос Сяо Шаню, желая узнать его мнение.

Если Сяо Шань захочет взять младшую наложницу, он согласится.

Если Сяо Шань не захочет брать младшую наложницу, он выяснит причину и в конце концов тоже согласится.

Сяо Шань с детства досконально понимал мысли императора, поэтому он, как принц, был таким особенным.

Они хотели знать, что он на самом деле думает, и он открыто показывал им.

Он не хотел быть наследным принцем, у него не было мыслей о престоле, он просто хотел быть бездельником, который мог бы есть, пить и развлекаться.

«Но если бы меня действительно заставили бороться, я бы тоже не захотел», — сказал Сяо Шань. «Я просто хочу быть свободным принцем, и жить полной жизнью, это удобнее всего».

К тому же, даже если отбросить все сомнения, если бы у него действительно было намерение бороться за что-то, он бы не стал идти по пути женитьбы на многих жёнах, чтобы укрепить свою власть.

Другие, возможно, сделали бы так, но он нет.

Назовите его лицемерным или высокомерным, он всё равно не согласится.

У него есть своя собственная нижняя граница.

Переступить её легко, держаться трудно, но он просто хочет держаться за эту нижнюю границу.

«Что касается того, буду ли я обижен», — Сяо Шань серьёзно подумал и сказал, — «Если меня действительно неправильно поймут, то это будет не только обидно, но и позорно. Однако, если такой день действительно наступит, я буду обижаться только час».

Он проявлял себя так ясно и откровенно, что если его всё равно будут неправильно понимать, то ему не нужно будет и обижаться, потому что в этом не будет смысла.

Один час можно использовать для оплакивания себя прежнего.

Се Чжуй, глядя на Сяо Шаня, который так небрежно произносил эти слова, почувствовал, что, кажется, прикоснулся к части внутреннего мира Сяо Шаня.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282515>